

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 115

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.20

ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

FEATURES OF THE NORTH CAUCASIAN CULTURE AND ITS INFLUENCE ON REGIONAL SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Агаева Мариям

Гаджимагомедовна

Аспирант, кафедра онтологии
и теории познания,
факультет психологии и философии,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: marish5515@mail.ru

Mariyam G. Agaeva

Post-graduate Student,
Department of Ontology
and Theory of Knowledge,
Faculty of Psychology and Philosophy,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia,
e-mail: marish5515@mail.ru

В статье раскрываются некоторые особенности северокавказского менталитета, влияющие на общую, познавательную и экономическую культуру людей. Отмечается, что при всей важности исламского фактора для спецификации культурных и когнитивных особенностей кавказцев его влияние не должно быть абсолютизировано. Показывается, что многие составляю-

The article reveals some features of the North Caucasian mentality that affect the general, cognitive and economic culture of people. It is noted that despite the importance of the Islamic factor for the specification of cultural and cognitive characteristics of Caucasians, its influence should not be absolutized. It is shown that many components of the socio-cultural and cognitive code of the population

щие социокультурного и когнитивного кода населения региона сформировались задолго до исламизации региона, которая происходила болезненно, противоречиво и в различные периоды общественного развития. Это относится также и к формированию основных механизмов хозяйственно-экономической деятельности, которые, в отличие от сфер повседневного уклада, семейно-бытовых отношений, образования и воспитания, обрядно-символических составляющих культуры, сильнее подверженных исламскому влиянию, достаточно автономны и независимы от конфессионального фактора.

of the region were formed long before the Islamization of the region, which was painful, contradictory and in different periods of social development. This also applies to the formation of the main mechanisms of economic activity, which, unlike the spheres of everyday life, family and household relations, education and upbringing, ritual and symbolic components of culture, more susceptible to Islamic influence, are quite autonomous and independent of the confessional factor

Ключевые слова: культура; познавательная культура; религия; ислам; Северный Кавказ; хозяйственно-экономические отношения.

Key words: culture; cognitive culture; religion; Islam; North Caucasus; economic relations.

Введение

Говоря о влиянии исламского фактора на всю культуру и менталитет большинства северокавказских народов, не должно быть крайностей – его абсолютизации или, напротив, недооценки, что часто встречается в научных и публицистических дискурсах. В этом вопросе необходим дифференцированный подход, при котором должны быть исследованы специфика и масштаб исламского влияния в различных сферах жизни и социальных отношениях. Об этом говорится в настоящей статье.

Исламский фактор на Северном Кавказе

Безусловно, многие совпадения в общей, познавательной, поведенческой и хозяйственно-экономической культуре народов Кавказа обусловлены исламским конфессиональным единством. Это очевидно и не нужно доказывать. Но вместе с тем мы хотим начать с проблемы, поднятой проф. М.И. Билаловым, связанной с недопустимостью преувеличения роли исламского фактора в мыслительном и поведенческом менталитете кавказских народов.

Во-первых, не следует игнорировать то обстоятельство, что Северный Кавказ – это все-таки периферия исламской цивилизации, на которой мусульманство распространилось позднее, чем в других регионах, оно утверждалось долго, неравномерно и с трудом, со значительными содержательными и культовыми издержками и деформа-

циями (Билалов, 2008. С. 67). Утверждение ислама в качестве основы культурного менталитета здесь происходило в течение нескольких столетий, начиная с XIII в. и до самого конца XIX в.

Во-вторых, не надо забывать, что сам ислам – достаточно позднее явление в культурном и религиозном становлении северокавказских этносов. К моменту начала процессов исламизации народов Кавказа у них уже сложился устойчивый социокультурный код, под влиянием которого происходили консолидация определенных этносов и формирование определенной поведенческой и познавательной культуры.

В-третьих, современная наука показывает, что северокавказские народы достаточно близки друг другу по генетическим, ментальным и психосоматическим признакам, формирование которых происходило задолго до исламского завоевания Кавказа.

В-четвертых, этнические общности и этническая идентичность на Кавказе сформировались намного раньше, чем произошло образование исламской конфессиональной идентичности. Поэтому исторически получилось так, что в сознании народов ислам преимущественно представляет собой не элемент мировоззренческой самоидентификации, а этническую ценностную систему, что имело в качестве следствия некоторую искусственную абсолютизацию роли ислама в духовных и интеллектуальных процессах у народов Северного Кавказа.

В-пятых, как отмечает В.Е. Давидович, есть все основания для возведения культурной зоны Кавказа в ранг самостоятельной цивилизации безотносительно к вероисповеданию составляющих его народов, в частности из-за таких идентичных моментов национальной психологии, как свободолюбивый дух, горячность, признание авторитета старейшин, скрупулезное соблюдение этикетных норм (Давидович, 2000).

В-шестых, как известно, религия не только соединяла роды и племена в этнические общности, но и достаточно часто разъединяла их.

О наличии доисламских и вообще дорелигиозных элементов в культуре многих народов Кавказа свидетельствуют многие совпадения в кавказских языках, а также смысловое переплетение мифологем одной и другой культуры. Так, нартский эпос присутствует в духовной жизни десятков ныне мусульманских и христианских северокавказских народов, а генетическое единство аварского и армянского языков настолько очевидно, что методологически неверно «без аварского лингвистическое изучение языков Армении» (Марр, 1917. С. 331).

Действительно, сейчас уже нет необходимости доказывать единство познавательной и языковой культуры кавказских народов, близость этнокультурной психологии; все они обладают так называемой полиактивной культурой, которая не столько опирается на безличную информацию из официальных источников, книг, СМИ, сколько является результатом общения, личного знакомства, качества, родственных и дружеских связей и т.д.

Влияние ислама на социально-экономическое развитие

Думается, что сказанное в отношении познавательной и поведенческой культуры северокавказских народов в полной мере относится и к хозяйственно-экономической жизни: многие механизмы, характерные для нее до сегодняшних дней, сформировались задолго до исламизации большинства народов Северного Кавказа.

В связи с этим возникает вопрос, в какой мере исламский фактор сказывается на организации всей хозяйственно-экономической жизни северокавказских народов?

Чтобы проверить, насколько северокавказская модель организации хозяйственно-экономической жизни может называться исламской, необходимо выделить основные признаки последней. Как известно, исламской можно называть такую модель хозяйственной и финансово-экономической деятельности, которая осуществляется в соответствии с нравственными и правовыми нормами и принципами ислама. Прежде всего, необходимо отметить, что исламская финансово-экономическая система имеет ярко выраженную социальную и нравственную направленность. Она основывается на ряде постулатов, вытекающих из сути Священного Писания и Сунны:

– никто не может быть абсолютным собственником общественных и природных богатств: денег, имущества, движимости и недвижимости, полезных ископаемых. В соответствии с Кораном единственным реальным и суверенным собственником всех актуальных и потенциальных богатств может быть только Аллах. Поэтому право владения в исламе носит относительный и ограниченный характер и выполняет, в сущности, не «обладательную», а скорее социальную функцию;

– человек же, в силу того, что он выделен Богом из всех тварей и единственно наделен разумом и функцией наместника на земле, может быть только поверенным и доверенным Аллаха по распоряжению этими богатствами и ресурсами;

– поэтому человек должен разумно пользоваться этим величайшим доверием, не использовать богатства во зло и для своего обогащения.

Этот божественный ресурс человек должен использовать во благо общества в соответствии с волеизъявлением верховного распорядителя;

– все мусульмане равны в своих правах и обязанностях и являются братьями по вере и духу. Поэтому хозяйственно-экономические отношения категорически не допускают эксплуатацию человека человеком;

– каждый мусульманин должен работать, чтобы обеспечить общественное благо и собственное существование. Поэтому любая форма получения прибыли без прямого и косвенного личного вклада в виде определенной деятельности или риска запрещена;

– следовательно, риба, ростовщичество и лихва запрещены, поскольку являются собой вопиющую несправедливость. В исламе взимание процентов является грехом в 36 раз худшим, чем супружеская измена, которая карается смертной казнью. Ведь кредитор не участвует в трудовом процессе, не рискует ни здоровьем, ни своим имуществом, но получает определенный доход, усиливает имущественную поляризацию общества, что недопустимо среди братьев-единоверцев;

– приращение к первоначальной сумме ссуды допускается, только если оно не является predetermined или не выражается в постоянном количестве;

– основой производственно-экономической деятельности является труд, а не капитал;

– деньги выполняют только функцию обмена в качестве всеобщего символического эквивалента товаров и не могут участвовать в формировании механизмов неравенства и эксплуатации человека человеком. Поэтому деньги – только инструмент, а не предмет купли-продажи;

– материальное и духовное дополняют и сопровождают друг друга: материальные блага – это потребление товаров и услуг, а духовные – это предписания Корана и Сунны, например благотворительность и помощь бедным и обездоленным. Подмена одних другими недопустима, увеличение материальных благ, богатства за счет духовных противоречит духу ислама.

Как мы видим из этих основополагающих признаков исламской модели организации хозяйственно-экономической и финансовой жизни, ни один из них не получает более или менее полного воплощения в современной региональной экономической жизни. Это естественно, поскольку единство хозяйственно-экономической жизни и экономического и финансового пространства, как и единство

законов, прав и свобод, – важнейшее условие федеративного устройства государства. Поэтому экономика должна быть надконфессиональной и надэтнической. Прав в этом отношении президент Турции Р. Эрдоган, когда подчеркивает, что экономика не имеет религии, главные составляющие экономического развития – производство, торговля, информационная и денежно-кредитная системы – универсальны для всех культур, поэтому в развитии исламской экономики нет никакого смысла. И даже если она есть, то не выходит за рамки мусульманских религиозно-правовых теорий (Erdogan, 2018).

Сказанное не означает, что финансово-экономическая жизнь полностью исключает этноконфессиональные особенности. Их необходимо учитывать, особенно в повседневной практике организации хозяйственно-экономического управления. Это связано с тем, что простой перенос западной модели экономического человека на российскую модель социально-экономического человека, а последней – на региональную модель означает утрату практической эффективности многих экономических и финансовых общественных механизмов.

В мае 2016 г. ученые Института экономической политики Гайдара и РАНХиГС проводили опрос среди дагестанцев на предмет определения основных предпочтений экономического поведения среди разных поколений (Абдуллаева, 2018. С. 28–33). В ходе этих исследований были выделены три основные поведенческие модели, характеризующие роль и место человека в экономической деятельности:

Первая модель – просоветский и социалистический тип социально-экономического мышления и поведения, характерный, как правило, для старшего поколения, складывается из следующих составляющих:

– в метрике хронологического и экономического времени предпочтение отдается больше прошлому времени, чем настоящему или будущему; это ностальгическая модель человека, абсолютизирующего ценность экономических и социальных достижений советского периода страны;

– добросовестное следование правилам и обязанностям гражданина; высокая степень доверия к государственной и региональной социально-экономической политике;

– предпочтение государственных плановых инструментов управления экономической сферой перед рыночными механизмами;

– считаются более привлекательными государственная служба и традиционно востребованные для социального государства профессии, нежели всевозможные формы предпринимательства;

– против чрезмерного экономического и имущественного неравенства, порождающего социальную напряженность в обществе. Психологическая установка такого человека – любое богатство выше определенного среднестатистического минимума и оптимума есть кража и незаконное присвоение.

Вторая модель – это формат экономического человека, близкий к модели западного экономического сознания и поведения, для этой модели характерны следующие черты:

– рациональность, инициативность, опора на собственные силы, видение преимуществ свободы предпринимательства, профессионализм и хорошая информированность, высокая адаптивность к новым экономическим реалиям;

– как правило, носитель либеральной социально-экономической и политической культуры, толерантной и высоко ценящей все грани свободы человека, в том числе экономической свободы, причем свобода одних не достигается за счет несвободы других. Взаимоотношения человека и государства построены на взаимном уважении прав и обязанностей, что должно пронизывать все сферы общественных отношений;

– носитель инновационной культуры, открытый для новых экономических и социальных механизмов, ставящий свои интересы выше интересов остальных членов общества. Родственные связи и ценностные ориентации важны, но не они определяют логику экономического поведения человека; прежде всего, важны профессиональные качества и экономические императивы поведения;

– они стремятся получить престижное и востребованное образование, уверены в своих возможностях и осознают свою конкурентную способность на рынке труда;

– прекрасно владеют современной информационной техникой и технологией. Экономическая культура сочетается с высокой общей культурой, интеллектом и эрудицией;

– они, с одной стороны, прагматичны в своих действиях, достижение целей является для них важным показателем успешности в этом мире; с другой – не боятся риска, но рационального и мотивированного, а не авантюризма.

Третья модель – социального человека, для которого экономические и прагматические императивы не являются определяющими. Как

правило, этот тип мышления и поведения распространен среди носителей религиозного образа жизни. Для него характерно:

- неприятие основ рыночных отношений и предпринимательства;
- почти полное отсутствие стремления к материальной выгоде;
- традиционализм в сознании и поведении, слабовыраженное стремление к инновациям, экономическим и социальным переменам;
- консерватизм и в семейно-бытовых отношениях, достаточно сильные гендерные ролевые различия, в том числе в процессе вовлечения в производственно-экономическую деятельность и т.д.

Как мы видим, особенно при знакомстве с третьей моделью, конфессиональный фактор в выборе вектора хозяйственно-экономической ориентации является важным и даже определяющим.

Почти все исследователи, изучающие региональные аспекты социально-экономической жизни, отмечают в целом достаточно низкий уровень экономической культуры. Естественно, возникает вопрос, где коренятся глубинные причины этого. Таких исторических и современных причин, наверное, множество, но мне представляется важным выделить одну из них – недостаточный уровень общегражданской культуры, частью которой она и является. Если рассмотреть диалектику отношений органов государства и структур гражданского общества в дагестанском менталитете, то можно заметить существенную деформацию в сторону абсолютизации роли и удельного веса властных структур во всех сферах общественных отношений.

Это обстоятельство объясняется рядом факторов:

- в практике повседневной жизни горская культурная и этническая ментальность изначально тяготеет к восточным авторитарным традициям, где всегда был высок авторитет власти. Это является одной из причин отсутствия устойчивых исторических традиций гражданских демократических отношений и доминирования авторитарных, административных методов управления всеми социальными процессами как в прошлом, так и сейчас;

- более сильное социальное расслоение населения в республике, чем в целом по стране. Имущественная поляризация бросается в глаза. Это приводит к тому, что не сформировался надежный средний класс, который, как известно, и был всегда опорой гражданского общества;

- замедлились темпы формирования гражданских отношений из-за значительного уменьшения доли русского населения, среди которого преобладали представители рабочего класса и интеллигенции. Ведь не является секретом их особая роль в формировании институтов гражданского общества;

– одна из серьезных причин слабости роли институтов гражданского общества состоит в том, что у нас никогда не было и нет до сих пор эффективной оппозиции в экономической, политической и идеологической сферах. Присутствие определенного духа оппозиционности чувствуется только в религиозной сфере, но известный накал конфронтации и конфликтности, существующий в этой сфере, не позволяет эффективно реализовать конструктивный потенциал различительных культурных и конфессиональных механизмов. Да и запретительная стратегия, доминирующая в обществе под флагом борьбы с экстремизмом в сознании и поведении людей, не позволяет оппозиции утвердиться и закрепиться в качестве позитивной и созидательной силы, способствующей социальному и экономическому прогрессу.

Если проследить многолетнюю драматургию исторических событий на Северном Кавказе, то можно заметить, что завоевывающая сторона была в основном заинтересована в расширении своих государственных границ и полномочий. А культурное же завоевание происходило не так активно, как военно-политическое. Ведь для этого и нужно было создавать институты и механизмы гражданского общества, в формировании которых правящая сторона не была заинтересована. Таким образом, получилось то, что продолжает существовать до сих пор: доминирование тоталитарных и авторитарных моделей государственного управления при чрезвычайно незрелых формах гражданского обустройства населения.

Необходимо в связи с этим заметить, что формирование действенного гражданского общества является целью неизмеримо более трудоемкой и длительной по сравнению с задачами государственного строительства. Хотя бы потому, что оно не может быть учреждено по инициативе сверху специальным указом или другой правовой нормой; его формирование требует определенных объективных и субъективных условий и гражданской зрелости самого населения.

Заключение

Таким образом, если влияние исламского фактора является существенным и даже в чем-то определяющим для большинства сфер повседневного общения, воспитания, образования, организации всего образа жизни, то для формирования механизмов экономической деятельности и отношений его роль несущественна. Это объясняется не какими-то издержками и недостатками социально-экономической политики, а объективными факторами, связанными с необходимостью формирования единого экономического пространства в рамках всей страны.

Литература

Абдуллаева З.М. Модель «экономического человека» в Дагестане // Вестн. Дагестанского госуниверситета. Серия 3 : Общественные науки. 2018. № 1, т. 33. С. 28–33.

Билалов М.И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. М.: Academia, 2008. 144 с.

Давидович В.Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 18–23.

Март Н.Я. Непочатый источник истории Кавказского мира. Петербург, 1917.

Erdogan R. The economy does not have a religion. 2018. Available at: [http:// www.ntvmsnbc.com](http://www.ntvmsnbc.com).

References

Abdullaeva, Z.M. (2018). Model of “economic man” in Dagestan. *Vestnik Dagestanskogo gosuniversiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki*, 1, 33, 28-33. (in Russian).

Bilalov, M.I. (2008). Civilizational metamorphosis of cognitive culture. M.: Academia.

Davidovich, V.E. (2000). Is there a Caucasian civilization? *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2, 18-23. (in Russian).

Marr, N.Ya. (1917). The untapped source of the history of the Caucasian world. Peterburg.

Erdogan, R. (2018). The economy does not have a religion. Available at: [http:// www.ntvmsnbc.com](http://www.ntvmsnbc.com).

Поступила в редакцию

23 августа 2019 г.